

«ЛЕНИНГРАД—МОЙ РОДНОЙ ГОРОД...»

К 100-летию со дня рождения К. И. Чуковского

СЕГОДНЯ исполняется 100 лет со дня рождения Корнея Ивановича Чуковского, одного из основателей советской детской поэзии, писателя, давно уже ставшего классиком детской литературы. Многие поколения читались с названиями «Крокодил», «Доктор Айболит», «Мойдодыр», «Муха-Цокотуха». Эти и другие сказки, веселые, умные, лишенные сухой назидательности, с упоением читают и нынешние детвора.

Талант Чуковского был разносторонним. В первые после-революционные годы он по предложению Горького возглавлял один из отделов издательства «Всемирная литература». Впоследствии писатель много работал над переводами М. Твена, Р. Киплинга, Г. Филдинга, О'Генри.

Много писал Чуковский и об отечественной литературе — Чехове, Куприне. О современниках — Б. Житкове, Л. Квитно, А. Ахматовой, Б. Пастернаке.

В 1962 году за огромные заслуги в литературе Оксфордский университет присудил Чуковскому звание доктора литературы. Многие годы жизни отдал Чуковский изучению творчества Н. А. Некрасова. Книга «Мастерство Некрасова» была удостоена Ленинской премии.

УДИВИТЕЛЬНО широким, разносторонним и талантливым человеком он был. Его интересовало все: «лепые нелепицы» малышей «от двух до пяти» и спорные вопросы текстологии, мастерство Чехова и Конан-Дойль, Слупцов и Уолт Уитмен, детские сказки и принципы перевода. Всем этим он занимался самозабвенно, всей душой отдаваясь работе. Но главным его увлечением, делом его жизни был Некрасов.

Без устали разыскивал он разошедшиеся по разным местам рукописи поэта, освобождал знакомые всем по дореволюционным изданиям тексты от искажений царской цензуры, неутомимо готовил к печати однотомники, трехтомники, восьмитомники, сборники избранных стихотворений специально для детей, полное собрание сочинений в 12 томах, писал комментарии, статьи, книги. При этом он по своей скромности совершенно искренне уверял: «Я в неоплатном долгу перед Некрасовым, о котором я не сказал и сотой доли того, что хотел сказать...».

Естественно поэтому, что

когда в 1946 году в квартире на Литейном открылся мемориальный музей Н. А. Некрасова, Чуковский следил за его работой, писал мне, хранителю музея с 1946 по 1972 год, взволнованные, заинтересованные письма. Письма умные, добрые, всегда интересные, наполненные светлыми мыслями о жизни, о Родине, о русской литературе, о великом Некрасове, письма ученого и гражданина. «Я на старости лет сошел с ума и все свои сбережения вложил в постройку библиотеки для детей...». И в другом письме: «Все имевшиеся у меня рукописи Некрасова я пожертвовал в Ленинскую библиотеку...». Эти отрывки из двух только писем много говорят об их авторе.

Часто писал он о новых некрасоведческих работах. Каждая новая хорошая книга приводила его в восторг. К себе же он был неумолимо строг: «моя дремучая статья...» — пишет он об одной из своих интереснейших работ. В первом номере Некрасовского сборника (АН, 1951) он нашел только одну, по его словам, слабую и неинтересную статью — свою собственную!

Вполне естественно, что в нашей переписке много места занимали дела музея Некрасова: то он дает интересные советы по экспозиции и мемориализации музея, то рекомендует разыскать иллюстрации к Некрасову художника Корина, которые ему так хвалил Горький, то присылает свою новую книгу с автографом, то волнуется о судьбе очередного Некрасовского сборника, то предлагает поговорить о насущных делах музея в Министерстве культуры.

После первого посещения музея Чуковский выражает свое восхищение: «Чудесный памятник Некрасову создали вы! Эта квартира одна из святынь Ленинграда» (21 января 1950 г.). В следующем письме (10 апреля 1950 г.) он вновь делится своими впечатлениями: «О музее можно сказать, что это чудесное средство пропаганды Некрасова... Впечатление огромное! Надеюсь, что доживу до вторичного посещения музея». После вторичного посещения (1952 г.) он прислал несколько теплых слов для книги отзывов: «Широки просторы СССР, но на всех этих беспредельных просторах не найти другой такой квартиры, где сосредоточилось бы такое великое множество замечательнейших русских писателей! Подумать только, что в эти двери входил и Лев Толстой, и Тургенев, и Гончаров, и Чернышевский, и Добролюбов, и Салтыков... и все лучшие поэты России, — все они не раз поднимались по этим ступенькам, по которым с таким благоговением нынче поднимаемся мы. Все они сидели за этим столом, за гостеприимным столом Николая Алек-

сеевича, который сплотил их для «великого дела любви», для самоотверженного служения родному народу».

Но просьбу — прислать в музей свой портрет — Чуковский категорически отверг: «Что же касается моего портрета, — писал он 20 июня 1953 года, — разрешите не выполнять этой лестной для меня просьбы. Я не считаю себя достойным такой чести — и здесь мое решение неизменно. Было бы с моей стороны дикой претензией экспонировать себя в музее Некрасова».

На Всесоюзные некрасовские конференции Чуковский приезжал несколько раз и выступал с интереснейшими докладами. «В Ленинград приеду непременно — живой или мертвый!» — пишет он. Эти приезды были для него и возможностью встречи с любимым городом, в котором он провел свои молодые годы. Он здесь жил и работал, любил бродить по его прекрасным набережным, площадям, интересовался происхождением, историческим смыслом и даже звучанием названий ленинградских улиц (известен рассказ Льва Васильевича Успенского, как спорили они о происхождении названия улицы Бармалева). Позднее частое нездоровье мешало приездам Чуковского в Ленинград на конференции. Тогда он присылал задушевные письма и огромные телеграммы, в которых варьировалась мысль: «милый музей в родном Ленинграде»; «Ленинград мой родной город, Некрасовский музей самый родной для меня дом в Ленинграде... Клянусь всем участникам Некрасовской конференции... Жалею, что не

могу участвовать в Вашей работе...». «Если бы я приехал в Ленинград, я раньше всего побегал бы на Литейный проспект, в дом № 36, в ваш музей, чтобы в последний раз взглянуть на эти священные стены, где жил, дышал и работал — и так тяжело страдал — один из величайших поэтов России, которому я отдал так много души...».

Чуковский был тронут, что музей Некрасова дважды широко и торжественно чествовал его в дни его юбилеев (в 1957 и 1962 годах). Письмо, в котором он сожалеет, что не может приехать на юбилейное заседание, прозвучало как итог, как завещание. Письмо грустное. Он уверяет, что его заслуги превелики, упрекает себя за то, что, занятый другими делами, «по целым годам забывал свой долг перед великим поэтом»; резко критикует свои ранние работы о нем, восклицает: «О, как бы мне хотелось заново переписать все мои прежние писания о нем!.. Но поздно: двух жизней никому не дано, и меня утешает надежда, что среди молодежи — вернее всего ленинградской — возникнут (и уже возникнут!) десятки Чуковских, которые сделают недоведенное, исправят ошибочное...».

Деятельность Корнея Ивановича Чуковского была многообразна. Но сегодня мы рассказали о той ее грани, что была связана с нашим городом, лишь об одной странной удивительной жизни большого писателя и замечательного человека, чья жизнь до конца была отдана служению литературе.

О. ЛОМАН

Ленинградская Правда
Ленинград

31 МАР 1982